Б.Р. Рагимова

Роль женского труда в дагестанском обществе (XIX – нач. XX в.)

Для дагестанской женщины, и особенно для горянки, труд составлял значительную часть ее жизни. Наиболее часто повторяющийся образ дагестанки, какой она запечатлена в многочисленных заметках путешественников, – вечно хлопочущая женщина, занятая бесконечными работами дома, в поле, в саду, уходом за скотиной, едва успевающая разогнуть свой стан – и все это на фоне праздных мужчин, коротавших свои дни на годекане. Один из них – К.Ф. Ган, совершавший путешествие из Кахетии в Дагестан в 1898 г., отмечал, что он с удивлением обнаружил на полях множество женщин, очищавших посевы от сорняков. «Мы поднялись вверх по долине Кара-Самур. Поля орошены и обнесены стенами из собранных с пашен булыжников и камней. Всюду женщины и дети очищают хлеб от сорных трав. Раньше этого на Кавказе я еще нигде не встречал»[i]. «Тяжелые работы, лежащие на женщине с самых ранних лет, – писал другой автор, Н. Дубровин, о горянке Дагестана, – делают то, что они развиваются неправильно и скоро стареют, сохраняя только надолго прекрасные и полные страсти глаза – неотъемлемое сокровище каждой... Вся жизнь горянки есть труд, и труд самый тяжелый»[ii].

Действительно ли работали только женщины, а мужчины проводили время в праздном безделье? Разумеется, нет. В традиционном дагестанском обществе существовало четкое, и даже жесткое, разделение труда, особенно по признаку пола. Существовали работы чисто женские, которые мужчина никогда и ни за что не стал бы выполнять, но были и мужские работы. Пожалуй, пре-

дельно ясно выразил это М.-З.О. Османов на примере даргинцев, разделив работы, выполняемые ими, на мужские и женские. Согласно этому делению, только мужскими считались: вспашка, сев, полив, косьба, снятие урожая с деревьев, уход за деревьями, работа со скотом вне дома и его пастьба, изготовление орудий труда; только женскими – сбор фруктов под деревьями, прополка, мотыжение, уход за скотом дома, приготовление пищи, заготовка продуктов впрок, поддержание порядка в доме, тканье, изготовление одежды, приготовление кизяка, обеспечение семьи водой[iii]. Примерно такой же порядок распределения работ с некоторыми исключениями, которые не столько вносили противоречие, сколько являлись приспособлением к местным условиям, можно было наблюдать и у остальных горцев Дагестана. Так, у лакцев, например, работы ранней весной – вывоз навоза на ишаках в поле выполняли обычно женщины и дети, так как мужчины в это время года были большей частью в отлучке, на заработках[iv].

Однако совершенно иной порядок распределения работ можно было встретить у жителей равнинной части Дагестана – у кумыков и терекеменцев. Все полевые работы у них, включая прополку, которую в горах считали исключительно женским делом, выполнялись мужчинами. Женщина же мало привлекалась к полевым работам. Ее трудовая деятельность ограничивалась в основном работами по дому и воспитанием детей[v]. В отличие от жительниц равнин на плечи горянок ложились многие виды полевых работ. Но именно вследствие того, что горянке приходилось выполнять многие работы, а нередко в отсутствии мужчин и чисто мужские работы, она пользовалась гораздо большей свободой и самостоятельностью, чем жительницы равнин. Это отмечалось и наблюдателями, посетившими Дагестан. Тот же К.Ф. Ган писал о лакцах (казикумухцах), что почти четвертая часть всего населения их «отправляется в качестве лудильщиков, оружейников и простых рабочих на заработки в кавказские города. Очень может быть вследствие этого, женщины тут пользуются большей свободой, чем у других магометанских народов на Кавказе»[vi].

Несколько в ином положении находились женщины в высокогорной части Южного Дагестана, в тех местах, где земледелие

было развито слабо, а овцеводство составляло основное занятие населения (лезгины, рутульцы, цахуры). Там женщина была значительно меньше обременена работами, нежели в других частях горного Дагестана.

Тот факт, что женщинам в горах приходилось работать больше, сделало весьма распространенным утверждение о природной лености горцев. Не отрицая того, что горянке действительно приходилось выполнять очень много работ, и в течение всего года, а мужчины действительно проводили на годеканах значительную часть своего свободного времени, нельзя не отметить, что это достаточно поверхностное суждение о явлении, которое имеет свое объяснение, отчасти в историческом прошлом, когда в периоды частых войн и столкновений необходимо было постоянно быть готовым, чтобы отразить врага. Это обстоятельство известный кавказовед Г.Ф. Чурсин комментировал следующим образом. «Беспокойное боевое прошлое горских народов Дагестана, – писал он, – создало такое разделение труда между мужской и женской половиной населения, при котором большая часть хозяйственных забот приходилась на долю женщины. Мужчина, будучи прежде всего воином, брал на себя только такие работы, которые не могли быть возложены на женщин. Вследствие этого у всех дагестанских горцев женщины обременены хозяйственными работами, в то время как мужчины принимают обыкновенно меньшее участие в хозяйстве»[vii]. Причина заключалась и в нелегких социально-бытовых условиях в горах, а также в том, что мужчины нередко отсутствовали, находясь на заработках. В отсутствие мужей женщины брали на себя их обязанности. Они даже торговали на местных рынках[viii].

М.-З.О. Османов назвал суждения о лености горских мужчин «скольжением по поверхности вещей». «Проезжающим наблюдателям, – пишет он, – прежде всего бросается в глаза труд женщины, ее хлопоты по домашнему хозяйству, ибо в поле или на пастбища, где главным образом протекает труд мужчин, эти наблюдатели не выходили»[ix]. Это верно, но лишь отчасти. Многие авторы были осведомлены о занятиях мужчин. Н. Львов, имевший возможность наблюдать жизнь и быт аварцев, довольно подробно

описывал те работы, которые приходилось выполнять мужчинам. «Ранней весной, – писал он, – они выносят из сараев накопившийся там в продолжение года навоз и складывают его на улицах в большие кучи… В начале апреля его вывозят (в некоторых местах выносят женщины) в поле, рассыпают маленькими кучами, а через несколько дней разбрасывают по полю. Последнее исполняется исключительно женщинами. После этого бросают семена на невспаханное поле, а потом уже пашут. В этом труде принимают немалое участие и женщины. За неимением борон горянки, следуя за сохой, разбивают груды земли обухом топора или кирки. Затем, до времени покоса, горец спокойно лежит на боку, а во время покоса несколько дней работает – косит траву. Травы же, растущие на местах, неудобных для косьбы (а таких мест гораздо более чем удобных), выжинаются или вырываются руками женщин, а мужчины не работают до окончания жатвы, в которой они не могут принимать участие, потому что по адату следует пренебрегать человеком, который берется за женское дело, жатва же принадлежит исключительно к женским работам. Мужчина, не имеющий жены или родственницы, которая занималась бы полевыми работами, волей-неволей вынужденный сам исполнять все, что горцы считают для себя неприличным, слывет в народе бедным дураком»[x].

Конечно, мужчина и в горном Дагестане не всегда сидел без дела. Тот же Н. Львов отмечал, имея ввиду ботлихцев, что сады, составлявшие главный предмет их богатства, обрабатывались мужчинами[xi]. Мужчина занимался перегоном и пастьбой скота, строил и ремонтировал дом и хозяйственные постройки, чинил инвентарь, но такого рода обязанности выпадали далеко не всегда и не на всех. Женщина же, будь она жительницей гор или равнины, никогда не оставалась без работы. Рассмотрим же подробнее круг трудовых обязанностей дагестанской женщины.

Непременной обязанностью женщины был домашний труд, на плечи которой он, как правило, ложился целиком. В обязанности женщин по домашнему хозяйству входили: содержание дома в надлежащем порядке, его уборка и регулярная обмазка стен и пола, приготовление пищи, уход за крупным рогатым скотом,

доение коров и переработка продуктов животноводства, чистка хозяйственных помещений, шитье и починка одежды, доставка воды и пр. В горах и предгорьях женщины также занимались заготовкой хвороста и кизяка.

Несравненно тяжелее, нежели жительницам равнин, приходилось горянке: помимо всех домашних работ они выполняли, как уже отмечалось, многие виды полевых работ. Вот как предстает ежедневный труд горянки в описании И.С. Костемировского. «Дома женщина, – писал он, – должна встать с зарей, подоить коров, овец, нарубить дров, принести воды, сварить пищу, накормить детей и мужа, шить на тех и другого, потом идти в поле на пашню или в лес за дровами; возвратившись домой – опять за прежнюю работу, и, наконец, поздно, поздно ночью, усталая, разбитая тушит она огонь и ложится спать, думая о том, как бы не проспать рассвета»[xii].

Мужчины же, проснувшись и позавтракав, обычно шли, если время было не страдное, в мечеть или на годекан. Ритм их каждодневной жизни не имел ничего общего с деятельной активностью женщины, у которой не выдавалось ни одной свободной минуты. Лишь у родника женщина могла отдохнуть, пока не подойдет ее очередь набрать воду. Из всех видов домашних работ, больше всего, пожалуй, нравилось женщинам ходить по воду к родникам. Ее носили от родников, которые порой находились на весьма приличном расстоянии от дома, в больших медных кувшинах, неся их на спине. «Пока одна наполняет свой кувшин, – писал Н. Львов, – ожидающие очереди занимаются сообщением друг дружке разных хабаров (новостей), злословием, хвастают мужьями или порицают из-за того, чем другие хвастают; шепчутся, хохочут, вздыхают, проклинают, бранятся, ссорятся и мирятся, напевают вполголоса песни, громко кричат ляилляха-иллаллах и пр. Утро и вечер – это единственное свободное время, когда горянки, собираясь у фонтана, делятся впечатлениями, произведенными на них прошедшим днем или ночью; остальное же время они заняты работой и не могут собираться по примеру мужчин, сидящих с утра до ночи на годекане, проводя целые дни в праздности»[xiii].

Наряду с приготовлением пищи женщине постоянно приходилось думать о заготовке топлива. Повсеместно в Дагестане топливом служил *кизяк* – особым способом приготовленный и высушенный навоз крупного рогатого скота. Большая куча кизяков на крыше дома свидетельствовала о трудолюбии и заботливости хозяйки. В качестве топлива использовался также саман, сухие листья, высушенный бурьян, хворост. В горах женщины носили хворост на себе, а если имелся осел, то возили на нем. Но чаще всего приходилось все же носить на себе. Для русских путешественников и прочих людей, имевших возможность наблюдать жизнь и быт горцев, было удивительным, как женщине удавалось выполнять такую тяжелую работу. «Что на наши глаза безобразно, тяжело, – писал русский автор середины XIX в. В.Н. Воронов о горцах, – то в их понятиях представляется уместным и легким делом. Вот хотя бы и следующее: на терраске нашей квартиры были сложены дрова, всего с полсажени; на вопрос – куда и далеко ли приходится ородинцам ходить за дровами (лесу вблизи нигде не было видно) получили ответ: «Леса наши близко: вон там – за горою… Баба как выйдет утром из дому, так к вечеру и успеет вернуться назад с вьюком дров»[xiv].

В горах переноской тяжестей на себе занимались исключительно женщины. Такова была традиция. Мужчины этого никогда не делали. Зачастую семьи, где было больше женщин, значительно выигрывали, если необходимо было за определенный незначительный срок перетаскать что-либо. Так, например, у лакцев в качестве топлива использовался бурьян, но его собирали с разрешения сельских властей с общественных выгонов. Переноска бурьяна продолжалась около 10–15 дней, и участвовали в ней только женщины. Естественно, тот, у кого в семье имелось больше женщин, обеспечивал себя топливом больше других[xv].

На равнине заготовкой топлива и его доставкой занимались мужчины, если, конечно, речь не шла о кизяке. Для перевозки дров и хвороста они использовали подручные транспортные средства, чаще всего арбы. Впрочем, и в горах мужчины ходили за дровами, если их надо было везти издалека. Андийские муж-

чины, например, ходили за дровами через перевал к чеченцам, и оттуда перевозили топливо на быках.

Непременной обязанностью женщины являлось поддержание чистоты в доме. Ежедневно надо было подметать пол, время от времени приходилось обмазывать стены и пол жидкой белой глиной, которая в прошлом заменяла известь. Женщине приходилось постоянно заниматься стиркой, ремонтом одежды, а также тканьем и шитьем. Для стирки использовали главным образом золу, мыло было большой редкостью. Пришедшую в негодность одежду приходилось неоднократно чинить, так как справить новую не всегда было возможно. Все приходилось делать в домашних условиях: обрабатывать шерсть и коноплю, сучить нитки, ткать, выделывать шкуры и кожу. На равнине женщины разводили шелковичных червей, полученные коконы продавали оптовым торговцам.

Стало значительно легче, когда с развитием товарно-денежных отношений некоторые товары – ткани, одежду начали покупать в лавках. Позволить себе это могли лишь состоятельные общинники, в целом же преобладало натуральное хозяйство, и значительная часть работ была возложена именно на женщину. Справиться с таким объемом работы было очень сложно. Верными помощницами были дочери, которые с детства привлекались к домашним работам, нередко прибегали к помощи соседок. В состоятельные семьи приглашались работницы, которые, если работа не была тяжелой, трудились даже за угощение.

Несколько иной порядок распределения домашних работ был в неразделенных семьях на равнине. Как мы уже знаем, по существовавшему здесь разделению труда все работы вне дома выполняли мужчины. Женщины же занимались исключительно домашним хозяйством. Если распределением обязанностей среди мужчин занимался старший из них – отец или старший брат, то и в женском коллективе командовала самая старшая женщина – мать или жена старшего брата. У терекеменцев, например, старшая в семье, которая надзирала над всеми женщинами, поручала наиболее ответственные работы старшим снохам, второстепенные, хотя и более трудоемкие, – остальным женщинам. Сама

свекровь, если была трудоспособной, то принимала участие в домашних работах, если же нет, то лишь контролировала действия других. Все поручения ее выполнялись безотлагательно, она же безраздельно распоряжалась запасами продуктов, держала ключи от кладовых[xvi]. Подобный порядок внутрисемейного распределения ролей существовал и в неразделенных семьях кумыков[xvii]. Характер управления, особенно в женской среде, как уже отмечалось, нередко имел деспотичные черты. Власть свекрови была почти неограниченной. Тяжелее всего приходилось младшей невестке: ей поручали нередко самую грязную работу. Ей же поручали уход за престарелыми и больными. Жизнь в большой семье отличалась тем, что каждая из женщин имела свой определенный круг обязанностей.

Совершенно иной была хозяйственная роль женщины в малой семье. Хотя на равнине женщине и не приходилось работать в поле, тем не менее, обязанности ее были достаточно велики. Особенно нелегко приходилось тогда, когда семья была многочисленной и женщина одна при маленьких детях должна была вести дом: готовить пищу, носить воду, заготавливать продукты впрок, следить за порядком в доме, стирать, шить, заниматься прядением и тканьем, воспитывать детей. Лишь по мере взросления дочерей положение ее облегчалось.

Как говорилось выше, в отличие от жительниц равнин горянки и жительницы предгорий наряду со всеми домашними работами выполняли положенные им полевые и другие работы вне дома. В Дагестане, как известно, существовала определенная закономерность, отмеченная некоторыми наблюдателями: чем выше в горы, тем больше работ приходилось выполнять женщине, и тем меньшей была деятельность мужчины. Даже основной объем полевых работ ложился на плечи женщин[xviii].

Если проследить весь цикл сельскохозяйственных работ в горах от начала до конца, то можно убедиться, сколь велика была в них роль женщины. Вслед за пахотой и севом начиналась долгая и тяжелая борьба, чтобы вырастить и собрать без потерь урожай. Основной уход за посевами состоял в прополке и в поливе там, где это было возможно. Прополкой занимались в горах, как уже

говорилось, исключительно женщины. Горянки не давали пахотному участку зарасти сорняками, для чего прополку делали несколько раз за сезон. Вырванная с корнями сорная трава служила дополнительным кормом домашнему скоту. «В эту страдную пору, – писал А. Омаров, оставивший живые воспоминания о жизни и быте горцев, – если посмотреть с возвышенного места, то всюду на зеленых нивах заметны медленно движущиеся фигуры женщин, точно пасущиеся стада, только по временам фигуры эти поднимаются и вытягиваются во весь рост, чтобы дать отдых уставшей пояснице или положить в сторону собранную в руках траву»[xix].

Никто не освобождал женщину в этот период от повседневных домашних работ. «Каждая хозяйка, – писал далее А. Омаров, – по окончании домашнего утреннего распорядка выходила в поле и брала с собой шерстяной мешочек, в который клала для своего обеда полчурека с сыром или горсть толокна. Никто из мужчин ни за что не понесет обеда к женщинам в поле, потому что в глазах общества это считается позорным для мужчины делом. Напротив, женщина-хозяйка должна оставить дома для мужа и детей готовый обед. Если же обед нельзя было приготовить заблаговременно, то в таком случае жена должна возвратиться к полудню домой и, приготовив обед для мужа и детей, опять отправиться в поле выщипывать траву на ниве»[xx].

Когда созревал урожай, начинался период жатвы. Жали серпом. Согласно традиции, у большинства горцев Дагестана все работы с серпом приходились на долю женщины. После уборки урожая его свозили на гумно. Перед этим хлеб связывали в снопы и складывали в копны. В этих работах в горах наряду с женщинами участие принимали и мужчины, в частности, если хлеб на ток перевозился на арбе. Если же приходилось нести его на себе, то делали это опять-таки женщины. В горах в молотьбе, как правило, принимала участие вся семья, включая детей. Участие детей, особенно мальчиков, надо сказать, ощущалось во всех циклах полевых работ. Девочки же большей частью были заняты в домашних работах. Дети активно привлекались к работе в саду при сборе плодов. В садоводстве уход за деревьями, их посадку осуще-

ствляли мужчины, они же, как правило, занимались сбором плодов с деревьев. Женщины собирали плоды под деревьями или срывали их с деревьев в доступных местах, а затем переносили в дом.

Наряду с полеводческими работами определенные обязанности возлагались на женщину и в скотоводстве, которое для дагестанцев являлось второй основной отраслью хозяйства. Занятие скотоводством обеспечивало дагестанцев продуктами питания, сырьем для производства одежды и обуви; скот использовался как тягловая сила и являлся средством платежа при торговых, обменных и прочих операциях. Домашний скот был символом благополучия семьи, а нередко и основным источником существования. Традиционное разделение труда в скотоводстве четко обозначило мужские и женские роли, и сложившийся порядок был, практически, не меняем.

На долю женщины приходился уход за скотом дома, и главной ее заботой была корова. Она ухаживала за ней, кормила ее, нередко принося с прополки свежую траву, доила дважды в день. Забота женщины распространялась и на осла, если он имелся в хозяйстве. Осел был незаменимым помощником при переноске тяжестей. При стойловом содержании женщина ухаживала и за другим крупным рогатым скотом.

Мужчины занимались скотом вне дома. Как правило, это был мелкий рогатый скот, с которым приходилось постоянно кочевать с зимних пастбищ на летние и наоборот. За пределами села мужчины брали на себя все животноводческие работы, включая дойку. Мужчины также ухаживали за лошадьми и отчасти рабочим скотом (волами, например, в период страды). В Западном Дагестане (годоберинцы) женщины выполняли также все работы на хуторах за исключением выпаса скота[xxi].

При заготовке сена существовали особенности, четко разграничивающие обязанности мужчин и женщин. В горах, где основным орудием сенокошения был косовидный серп, уборка лежала на плечах женщины, так как мужчина не мог брать серп в руки. В предгорьях, и особенно на равнине, где площади сенокосов были обширнее и ровнее, сено убирали косой и занимались этим исключительно мужчины[xxii]. Однако в горах, где покосные угодья

очень часто располагались на небольших труднодоступных участках, крутых и обрывистых, косить сено приходилось женщинам. В группе женщин всегда имелась одна опытная женщина, возглавлявшая ее, бравшая на себя самый трудный участок, показывая остальным направление кошения[xxiii].

Столь же велика была роль женщины и по доставке сена, которое она, как правило, несла на себе, иногда на довольно большие расстояния – до 3 км. За день безостановочной жатвы серпом женщина убирала 3–5 вьюков для ослов и не уступавшую по весу вязанку для себя[xxiv]. Даже наличие осла не избавляло женщину от переноски тяжестей. А. Омаров писал: «Женщина во время кошения не иначе возвращалась домой, как с порядочной ношей на спине… Можно видеть целый караван навьюченных сеном женщин, идущих с поля медленно, согнувшись под тяжестью вьюков так, что головы свои они держат наравне с коленками»[xxv]. Мужчины тоже участвовали в доставке сена, но на себе они его никогда не несли. Они возили сено на лошадях, ослах, волокушах или скатывали его вниз с крутых склонов, предварительно перевязав в копны-тюки[xxvi].

Неотъемлемой частью семейного производства являлись всевозможные домашние промыслы. В условиях натурального хозяйства одежда, обувь, предметы домашнего обихода, утварь производились дома. Важным условием развития домашних промыслов являлось направление хозяйства, а именно: сочетание земледелия и скотоводства. Переработкой исходного сырья занимались в каждой семье. Недостаток средств от основных отраслей хозяйства вынуждал дагестанцев относиться к домашним промыслам как к важнейшей статье дохода. Наибольшее развитие промыслы и ремесла получили в предгорьях и в горных областях Дагестана, и гораздо меньше они были развиты на плоскости.

По охвату населения кустарным промыслом и по разнообразию производимых изделий Дагестан занимал первое место на Северном Кавказе[xxvii]. Занимались кустарным промыслом как мужчины, так и женщины. Исключительное занятие женщин составляли: выделка разного рода пряжи и тканье, изготовление ковров, сукон, бурок, войлоков, вышивание по бархату, шелку,

сукну и коже, а также отчасти гончарный промысел. Но даже в тех случаях, когда ремесло считалось исключительно мужским, женщины были активными помощницами.

Из всех домашних промыслов особое внимание заслуживает находившееся в руках женщин производство шерстяных изделий. «Выделываемые в области сукна, ковры, паласы, кошмы, переметные сумки и прочее, – отмечалось в официальном отчете, – отличаются прочностью, чистотой работы и имеют, в особенности сукна и бурки, большой сбыт за пределами области»[xxviii]. Не было ни одного двора в Дагестане, где бы не встречался хотя бы один из видов этого промысла. Изготовлением бурок занималось, преимущественно, население Андийского округа – в селениях Анди, Гагатль, Риквани, Ботлих, Ансалты и Шотрода. Среднее число бурок, вывозившихся из этого округа, достигало в денежном выражении 5000 рублей[xxix]. Изготовление бурок и вообще войлока было весьма трудоемким делом, и весь процесс изготовления его от начала до конца осуществлялся женщинами.

Известные всем на Кавказе сукна, называемые «лезгинскими», также изготавливались женщинами. Их делали в Даргинском, Казикумухском и Андийском округах. Наиболее тонкое и нежное сукно, при этом весьма прочное, делали в селах Хаджалмахи Даргинского округа. Дело было поставлено столь широко, что сырье для сукна (овечья, верблюжья и козья шерсть) нередко закупалось в соседних округах, а также в Терской области и Астраханской губернии. Благодаря женщинам, их умению и ремеслу, многие дагестанские семьи не знали нужды. Кельцы (Гидатлинское наибство Аварского округа), чьи женщины были искусными мастерицами в изготовлении сукна, говорили даже о себе: «Кто из нас не имеет жены-ткачихи, тому жить трудно»[xxx].

Не меньшую известность приобрело ковроделие. Производство ковров существовало повсеместно в Дагестане, однако наибольшее развитие оно приобрело в Южном Дагестане – в Кюринском и Самурском округах. Лезгинские и табасаранские ковры славились далеко за пределами Дагестана, их отличало высокое качество исполнения и оригинальное художественное решение, учитывавшее лучшие традиции Востока. В местах, где ковроде-

лие получило особое развитие, почти в каждом доме имелся ковроткацкий станок. Женщины занимались ковроткачеством главным образом зимой. С раннего детства они приучали своих дочерей к этому ремеслу. Ковры производились как на продажу, так и для собственного потребления. Для собственных нужд чаще всего делали безворсовые ковры – сумахи, которые имелись в каждом лезгинском и табасаранском доме. Однако в конце XIX в. в ковроделии Южного Дагестана наметился некоторый упадок, вызванный попыткой внесения новых технических и художественных приемов. Внедрение вместо привычных натуральных красителей дешевых и, как оказалось, совершенно некачественных анилиновых красителей привело к падению спроса на эти ковры. Не повысило ценности ковров и использование европейских рисунков. На традиционные ковры, сделанные с использованием натуральных красителей, спрос продолжал оставаться высоким. Лучшие ковры, по отчетам, изготавливали в селах Касумкент, Ашага-Стал, Гильяр, Магармкент[xxxi]. Славились своими коврами также Ахты и Микрах. Помимо ковров широким спросом пользовались паласы. Они, как и ковры, перекупались на местах скупщиками и вывозились за пределы Южного Дагестана.

Наряду с коврами и паласами лезгинки и табасаранки вязали из разноцветных шерстяных нитей теплые носки. В отличие от ковров вязанье носков не требовало громоздких приспособлений, и женщина могла взяться за него в любое время и в любом месте. Носки вязали не только в Южном Дагестане, но и в других регионах области.

Еще один вид ремесла, получивший широкую известность, – гончарное производство в лакском селении Балхар. В отличие от других гончарных центров (Сулевкент, Джули) в Балхаре производством посуды занимались исключительно женщины. Они сами месили глину, работали на гончарном круге, покрывали изделия рисунком, обжигали их в печах. Сбытом готовой посуды занимались только мужчины. Для балхарцев их ремесло было основным средством существования[xxxii].

Таким образом, женские виды промыслов являлись существенным подспорьем в бюджете многих дагестанских семей, а не-

редко они становились едва ли не единственным источником существования.

Дагестанская женщина постоянно находилась в работе, даже тогда, когда достаток и состояние семьи могли позволить нанять работницу. В семьях общинников положение женщины, особенно ее трудовая деятельность, отнюдь не зависели от уровня благосостояния. Иное дело семьи феодальной верхушки и знати, в которых женщины могли позволить себе не заниматься тяжелым физическим трудом. Жены и дочери князей, ханов и беков выполняли лишь несложную работу, связанную с тонким рукодельем: вышивали золотом и серебром различные изделия для собственного потребления и для подарков. У них имелся широкий штат прислуги, включая рабынь (до 1868 г.), которые выполняли за них всю черную работу. Даже от воспитания своих собственных детей они нередко были освобождены.

К семьям аристократов по своему положению примыкали семьи богатых купцов и промышленников, в которых женщины также были отстранены от многих работ. Однако необходимо заметить, что эти семьи, как правило, жили в городах, а там условия жизни и быта, особенно женщин, сильно отличались от сельских. В городах женщины из состоятельных семей вели замкнутый образ жизни, в трудовой процесс они не были вовлечены, в стенах дома занимались лишь несложной домашней работой, так как остальную работу выполняла прислуга.

Наиболее тяжелым было положение женщин из зависимых сословий. Рабыням (каравашам), а иногда и женам чагаров и райятов приходилось обслуживать не только свои семьи, но и выполнять повинности в домах феодалов. Они прислуживали их женам и дочерям, делали всю женскую, а порой и мужскую работу. К тяжелому подневольному труду примешивалась и горечь унижения от осознания своего зависимого положения.

Таким образом, на основе всего вышесказанного можно заключить, что основной массе дагестанских женщин приходилось много и тяжело трудиться, выполняя самые разнообразные работы по дому, в поле, по уходу за скотом и в различных промыслах.

Особенно много работ ложилось на плечи горянки, от труда которой нередко зависело благосостояние семьи.

---

[i] *Ган К.Ф.* Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. 31. С. 68.

[ii] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. С. 551.

[iii] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 26.

[iv] *Омаров А.* Как живут лаки // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 28–29.

[v] *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 255; *Она же*. Дагестанские терекеменцы XIX – начало XX в. М., 1990. С. 160.

[vi] *Ган К.Ф.* Путешествие в Кахетию… С. 78.

[vii] *Чурсин Г.Ф.* Авары. Этнографический очерк. Махачкала, 1995. С. 22.

[viii] *Алимова Б.М., Лугуев С.А.* Годоберинцы XIX – начало XX в. Махачкала, 1997. С. 96.

[ix] *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура... С. 26.

[x] *Львов Н.* Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 14.

[xi] Там же. С. 14–15.

[xii] *Костемировский И.С.* Три дня в горах Калалальского общества // Кавказ. 1861. № 83–85.

[xiii] *Львов Н.* Домашняя и семейная жизнь… С. 5.

[xiv] *Воронов Н.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 36.

[xv] *Омаров А.* Как живут лаки… // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 24.

[xvi] *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы… С. 161.

[xvii] *Гаджиева С.Ш.* Кумыки… С. 254–257.

[xviii] *Амиров Г.-М.* Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 47–48.

[xix] *Омаров А.* Как живут лаки… // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 43–44.

[xx] Там же. С. 44.

[xxi] *Алимова Б.М., Лугуев С.А.* Годоберинцы… С. 96.

[xxii] *Османов М.-З.О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1990. С. 110.

[xxiii] Там же. С. 111.

[xxiv] Там же. С. 111–112.

[xxv] *Омаров А.* Как живут лаки… // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 22.

[xxvi] *Османов М.-З.О.* Формы традиционного скотоводства… С. 112.

[xxvii] *Маргграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. XXXIX.

[xxviii] Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 78.

[xxix] Там же. С. 79.

[xxx] *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану... Вып. 1. С. 30.

[xxxi] Обзор Дагестанской области за 1899 год… С. 79.

[xxxii] *Булатова А.Г.* Лакцы. Махачкала, 2000. С. 148.